

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертационной работе диакона Овчаренко Артема Владимировича на тему:
«Учение о красоте и его место в богословии свт. Василия Великого», представленной на
соискание ученой степени кандидата наук по научной специальности 5.11.1
Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие)

Автор диссертационного исследования, диакон Артемий Овчаренко, сумел убедительно поставить исследовательскую проблему и наглядно представить разнообразие подходов к весьма обширной теме — сквозной теме красоты на пересечении эстетики, этики, физики и теологии. Достаточно подробно очерчен контекст — в связи с вопросом о природе прекрасного эстетика завоевала себе место под академическим солнцем начиная с эпохи Просвещения, а к середине прошлого столетия добралась и до богословия. Бурный нынешний расцвет такого явления, которое принято называть «теоэстетикой», тому явное свидетельство. Ни одно заметное имя и ни одно важное событие в описательной части настоящего исследования не упущено и должным образом представлено. Однако автор справедливо замечает, что красота и сегодня по-прежнему рассматривается главным образом как категория прежде всего эстетическая, лишь отчасти эпистемологическая, телеологическая и только напоследок теологическая. Но даже при богословском подходе к теме красоты эстетическое преобладает перед более высокими. В этом и заключается замысел и в конечном счете достижение настоящей диссертации, что *красоте* возвращается ее ценностное и смысловое наполнение — подлинно религиозное значение. Избранный материал для решения поставленной проблемы — наследие св. Василия Великого — обладает высокими качествами и значительным потенциалом для раскрытия заявленной темы.

Следует положительно оценить проявление научной сдержанности автора в его понимании степени достоверности проведенного исследования: «выводы исследования вполне достоверны, насколько они касаются терминов *καλός*, *τὸ καλόν* и *τὸ κάλλος*, однако все прочие термины учитывались лишь частично по мере раскрытия темы» (с. 29). А таких терминов немало и автор сам перечисляет некоторые из них, однако сообразуясь с конкретными задачами, он совершенно справедливо ограничивает фокус своей работы, что впрочем нисколько не мешает ему в завершении обобщить основные выводы и претендовать на определенную степень достоверности полученных результатов.

Среди несомненных достоинств представленной к защите диссертации отмечу следующие. 1) Схема описания понятия у античных философов: разработка понятия

красоты (философия красоты) и красота в естественной теологии (богословие красоты). Названия глав и подпунктов варьируются в зависимости от содержания мысли изучаемого автора. Выделение теологического аспекта красоты еще у Платона образует важнейший ресурс для развития темы уже христианскими богословами. 2) Дисциплинарная стратификация понятия красоты: эстетика, этика (у стоиков), теология (у Платона и христиан). 3) Предметная стратификация: красота тела, красота мира, красота души, красота Божественная (с. 67–68; итог у Плотина, с. 76; общий итог, с. 80–81).

Композиция работы выстроена наглядно и убедительно. Помимо введения, заключения, приложений и библиографического списка основное содержание работы представлено в пяти главах. Первая представляет широкую панораму развития понятия красоты в древнегреческой философии, эллинизированном иудаизме, в Священном Писании Ветхого (по Септуагинте с привлечением Масоретского текста и Танаха) и Нового Заветов, а также у ранних христианских авторов, предшествовавших св. Василию Великому. Следующие три главы посвящены главному герою работы. В них тема красоты раскрывается последовательно: сначала в концептуально-лексическом плане, затем в мистико-богословском и, наконец, в практическом аскетическом и мистагогическом. Заключительная пятая глава посвящена рецепции богословия красоты св. Василия от его непосредственного окружения до поздневизантийских авторов — св. Григория Паламы и св. Марка Эфесского. Работа выполнена на высоком исследовательском уровне. Весьма широкий охват материала — от Платона до Паламы и Марка Евгеника — несколько не снижает детальности проработки и конкретности анализа основных источников и главной героя исследования — Василия Великого. Некоторым упущением в репрезентативной выборке из преимущественно греческих и византийских христианских писателей и богословов, которых диак. Артемий избирает для отслеживания рецепции богословия красоты св. Василия, мне видится отсутствие св. Кирилла Александрийского, который по любому параметру изучения церковного богослова непременно оказывается важнейшим звеном богословского предания Церкви.

Первая контекстная глава обеспечила автора надежной структурой исследуемого понятия и позволила оценить вклад св. Василия в его дальнейшую разработку. Она содержит местами великолепные, детально проработанные экскурсы в раскрытие темы красоты в античной философии. С блеском и даже стилистическим изяществом написаны страницы, посвященные понятию красоты (*τὸ καλόν*) у Платона — как первичный анализ понятий красоты в Гиппии Большем и Пире, так и концептуальный анализ в естественной теологии Платона. Автор наглядно разворачивает три стадии души — пребывание — падение — возвращение через обладание, утрату и обретение красоты (Федр, Пир, VI книга

Государства, с. 52). Примечательно, что богатство и щедрость разработки понятия красоты у Платона заметно бледнеют у Аристотеля. У стоиков впервые появляется особое значение красоты как красоты мира, космос.

Впрочем, третья часть первой главы заметно уступает по качеству и по стилистике первым двум частям. По всей видимости, сказалось то обстоятельство, что настоящая диссертация создавалась весьма продолжительное время — по крайней мере десять (!) лет. Так, вызывают недоумение некоторые попутные высказывания, например «рабочим языком св. Василия Великого был греческий» (с. 82) или священные книги, вошедшие в канон Ветхого Завета, характеризуются автором как «художественная литература» (там же), или «литургический подтекст» некоего понятия применительно к ветхозаветному храму (см. с. 90). Объяснением тому, по всей видимости, служит продолжительность работы над проектом; автор рос и развивался вместе со своим текстом и текст хранит в себе следы этой эволюции. Поэтому правильнее оценивать итоговый результат, а не останавливаться на промежуточных шагах. Впрочем, первое впечатление относительно всего параграфа 1.3.1 «Категория красоты в Священном Писании», посвященного иудейскому материалу на иврите, сводится к тому, что этот раздел является избыточным по отношению к основной теме, поскольку «рабочим языком» Василия был греческий и читал он Ветхий Завет по Септуагинте. Однако при дальнейшем знакомстве решение автора расширить поле рассмотрения темы в том числе на материале еврейского Ветхого Завета видится убедительным. В данном случае *экстенсивное расширение* материала исследования обогащает понятийную полноту работы и нагляднее проявляет достижения христианского богословия в понимании красоты.

При переходе к ранним христианским авторам отцу диакону удалось убедительно показать, что классиком и законодателем христианского богословия красоты оказывается Ориген (параграф 1.4.3), подтверждая тем самым знаменитые слова св. Григория Богослова: «Ориген — учитель нас всех». Глубокомысленное замечание: «свое понятие красоты Божественного Логоса Ориген выводит из аллегорической экзегезы Септуагинты в свете Нового Завета, а не заимствует из античного платонизма» (с. 130). И это — поворотный момент в истории красоты в христианском богословии.

Самой высокой ответственностью отмечено второе положение, выносимое на защиту, центральное на мой взгляд для всего исследования: «2. Учение свт. Василия о красоте (*κάλλος*) является, с одной стороны, синтезом представлений о красоте ранней патристики и античной философии, а с другой стороны, имеет опытное происхождение, вытекает из его личного духовного опыта» (с. 28) — этот тезис находит свое полное раскрытие в материале глав, посвященных реконструкции богословия красоты Василия

Великого. Автору действительно удалось показать, что божественный аспект понятия красоты имеет обобщающее значение для всей греческой патристики: «За счет согласования мистики и аскетики с догматикой (аскетика связана с Домостроительством Сына, мистика – с Домостроительством Святого Духа) обе вытекают из учения о Святой Троице, откуда использование понятия красоты приобретает системный или универсальный характер» (с. 235).

В богословии св. Василия красота имеет тринитарную область применения, обладает катафатическим, вернее, икономическим, характером, впервые отождествляется с божественной энергией и оказывается собирательной категорией для познания Бога, мира и человека, а также включена в должным образом организованную стратегию личной и церковной жизни. Диак. Артемий убедительно показывает, что особенностью богословия красоты у Василия Великого является практически и организационно ориентированный характер его учения, как церковного богослова-практика по преимуществу. Поэтому богословие красоты не было в его учении отвлеченной доктриной, но имело самые прямые имплементации в его практическом, пастырском и аскетическом учении. Свои мистико-богословские разработки он тотчас воплощал в церковно организованной жизни. Всестороннее обследование разных дошедших до нас редакций его Большого и Малого Аскетикона дает исследователю богатый материал. Высокими эвристическими достоинствами в этом контексте обладает «четырёхчастная схема» человека — Адам первозданный, падший, преображенный и последний — которую отец-диакон обнаруживает у св. Василия. Эти четыре состояния человека соотносятся с той или иной мерой созерцания Божественной красоты. Жизнь человека организуется в соответствии с этими состояниями и проходит определенный путь восхождения к высшему созерцанию, достигаемому в состоянии обожения.

Дискуссионным представляется интерпретация, предложенная автором для знаменитой схемы духовного восхождения, известной как *via triplex*, согласно которой душа восходит к Богу через три ступени — очищение, освящение, обожение, соответствующие определенным этапам познания и совершенства — этика, физика, эпоптика. Автор дополняет эту строгую и стройную конструкцию дополнительным звеном — логикой, которая не занимает в этой схеме самостоятельного значения, а если изредка и упоминается, то нисколько не изменяет и не перестраивает тройную конструкцию. Для описания опыта постижения красоты эта схема особенно пригодна, что автор и показывает опять-таки со всей убедительностью. На высших ступенях интенсивность созерцания Божественной красоты сначала опосредованно, а потом и непосредственно, только возрастает.

Богословское обоснование категории прекрасного (красоты) у св. Василия и его продолжателей получило выражение в результирующей формуле диак. Артемия: «красота есть свойство природы, содержащее Отцом, явленное в Боговоплощении Сыном, познаваемое во Святом Духе» (с. 289). В заключение автор диссертации характеризует богословие красоты Василия в обобщающих аспектах, позволяющих говорить об интегральности этой доктрины для церковной мысли — «симфонически-композиционных и универсально-мировоззренческих» параметрах (с. 291), значительно повышающих как значение самого этого богословия, так и релевантности полученных в настоящем исследовании результатов.

Среди прочих несомненных достоинств настоящей работы следует отметить широкое присутствие разного рода пояснительных таблиц, наглядных выкладок, рисунков и сложных диаграмм. Упомяну лишь итоговую непростую диаграмму, представляющую результаты наблюдения «удельной частотности мировоззренческих компонентов при осмыслении Божественной красоты» (с. 293), по которой графически можно отследить оригинальность, новаторство и одновременно традиционность мысли св. Василия Великого.

Широко раскрытый и богато документированный диапазон темы красоты, щедро представленный в настоящей работе на классическом античном, библейском и патристическом материале, дает повод к размышлениям о путях эллинизации христианства до самого христианства — эллинизации ветхозаветного иудаизма через Септуагинту и Филона Александрийского, которая прочертила основные контуры будущей картины, получившей со временем полноту красок в зрелом христианстве. Локальное исследование диак. Артемия подтверждает правоту положительной концепции христианского эллинизма, сторонниками которой в прошлом веке выступали прот. Георгий Флоровский, протопр. Иоанн Мейендорф, Ж. Даниелу, Я. Пеликан и многие другие. Причем, динамика развития темы красоты от античности через эллинизированный иудаизм примечательна сама по себе: все четыре смысла красоты вполне оформляются уже в среднем платонизме, но в эллинизированном иудаизме полноценно присутствуют лишь внешние аспекты красоты — человеческого тела и природы, но пока не внутренние — красота душевная и Божественная (с. 96–97). Последующим экзегетам предстояло опознать эти высочайшие аспекты красоты. Автор упоминает Оригена, который «посредством аллегорической экзегезы впервые обнаруживает в Ветхом Завете понятие Божественной красоты» (с. 103), хотя, как опять-таки показывает автор несколько ниже, собственно, понятие Божественной красоты, первыми обнаружили еще до Оригена древние апологеты, очевидно, под платоническим влиянием (Иустин, Афинагор). Оригену

несомненно предшествует Климент Александрийский, ошибочно относимый автором к апологетам. Важнейшая таблица 1.2 (с. 106), с некоторым опережением в хронологии, описывающей постепенное расширение базовой терминологии красоты в патристике. Работа диак. Артемия последовательно реализует ту установку наших учителей из двадцатого века — прот. Георгия Флоровского, В.Н. Лосского, а также их католических и протестантских единомышленников — которые стремились открыть для наших современников неисчерпаемое богатство древней христианской традиции, обнаружить и показать ее непреходящую современность и востребованность. Тема красоты, так интенсивно разрабатываемая в современном философско-теологическом дискурсе теозстетики, несомненно много приобретает с настоящим текстом, который, надеюсь, скоро станет широко доступным в виде монографии.

Мои замечания и некоторые возражения, помимо тех, что уже прозвучали, носят, скорее, частный характер и являются в большей степени предварительными редакторскими замечаниями и сводятся лишь к краткому перечню:

- 1) замечание автора о том, что «Плотин оставил потомкам *Эннеады*» (с. 73) — правильное было бы сказать, что ученик Плотина, Порфирий, оставил потомкам *Эннеады*, осуществив это издание через тридцать лет после смерти Плотина.
- 2) диак. Артемий ошибочно причисляет Климента Александрийского, великого предшественника Оригена во главе Александрийской школы, к древнехристианским апологетам (с. 120–122) и приводит его имя и учение среди знаменитых апологетов — Иустина Философа и Афинагора. Однако дело Климента не сводилось лишь к христианской апологетике. К тому же признаком раннехристианской апологии является ее принципиально юридический жанровый характер, которым не обладает апологетический проект Климента.
- 3) несмотря на все великолепие эрудиции автора и истинное высокое удовольствие, испытываемое от знакомства с его текстом, некоторые аспекты античной теории прекрасного выпали из поля его зрения как самостоятельный предмет рассмотрения. Так, автор обошел вниманием один из важнейших топосов античной пайдеи — собирательный концепт «прекрасно-благое» (*καλοκάγαθία*), хотя у Василия этот термин употребляется неоднократно — до десяти раз в письмах (по базе данных греческого корпуса текстов); см. в самом тексте настоящей диссертации: Aristot. *Ethica Nicomachea*, 1100b30–31; 1116b2–3; Id. *Rhetorica*, 1366a35. См. также места, где он использует для этого другие выражения: *τό τῆς ψυχῆς κάλλος* (Id. *Politica*, 1254b39), *ἡ καλοκάγαθία*, *καλός*

καὶ ἄλλος (Id. Magna moralia, 1207b23–1208a2) – с. 56; Диалог с Трифоном иудеем
Иустина Философа 4.1.4–11 (с. 114).

Работа диакона Артемия Владимировича Овчаренко «Учение о красоте и его место в богословии свт. Василия Великого», представленная на соискание ученой степени кандидата наук по научной специальности 5.11.1 Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие), соответствует всем требованиям пп. 9–14 «Положения о порядке утверждение ученых степеней», утвержденного постановлением № 842 Правительства РФ от 24.09.2013 (в действующей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, диакон Артемий Владимирович Овчаренко, достоин присуждения ученой степени кандидата теологии по специальности 5.11.1 Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие).

Доктор теологии, профессор
кафедры систематического богословия
и патрологии ОЧУВО
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,

МИХАЙЛОВ Петр Борисович

26.09.2025

Образовательное частное учреждение высшего образования
«Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»
Адрес: г. Москва, Лихов пер., д. 6
Телефон +7(495)114-50-81
Сайт <https://pstgu.ru/>
Адрес электронной почты pstgu@pstgu.ru

